

Русские цитаты Джона Ноймайера

Культура - 2001 - 17 - 23 марта - с. 13

Spring and Rise

Джон Ноймайер и Джон Ноймайер

"Звуки пустых страниц", посвященные Альфреду Шнитке, явно автобиографичны. Балет о том, как ставятся балеты. Описывать его очень трудно: поминутно рискуешь увязнуть в собственной глубокомысленной патоке, ибо Ноймайер, как мало кто, бесстрашно пафосен, сентиментален и откровенен. Его герой (Анри Фадеев) измучен хаосом звуков и образов, разбуженным им самим. Есть героиня (Диана Вишнева), которая олицетворяет тихие радости, улады и утешения сего света. Она несет с собой гармонию и порядок, и герой ждет ее, как избавления. Но и она не в силах отвлечь его от чужой злой воли, персонифицированной рослым, невозмутимым, как стена, маньяком с белесым лицом (Илья Кузнецов). Воронья стая кордебалета, явившись на зов, сдирает с поэта одежду. Голый человек на голой земле (пустая сцена выгорожена позади легкими белыми щитами), новый Адам в муках придумывает имена окружающему миру. А мир этот неуловимо похож на балетный класс: мальчики и девочки, одинаково одетые в современном универмаге, то и дело пританцовывают свое, преследуют и ускользают и, сбившись в кучу, смотрят на своего обессиленного автора с выжидающим ехидством. Пока не явится ласковая, затянутая в черное трико, смерть (Ульяна Лопаткина) и не разбудит в мечущемся герое сосредоточенно-замкнутого печального двойника (Виктор Баранов). И не уведет в запредельный мир, где фигуры, недостижимые прежде, складываются кордебалетом сами собой.

Джон Ноймайер и Мариинский театр

Приглашение хореографа такого калибра – радикальное средство

23.7.01

Мариинский театр показал премьеру балетов Джона Ноймайера. Хореографа с собственным авторским театром в Гамбурге. Разборчивого, но оттого еще более желанного гостя крупнейших мировых трупп. Одного из лидеров поколения, пришедшего вслед за Морисом Бежаром. Сообщать какие-либо биографические подробности не так уж и важно: Ноймайер, как всякий классик, давно не равен самому себе.

Ноймайер перенес в Мариинку два своих балета начала 1990-х: Spring & Fall на музыку Дворжачка, Now & Then на музыку Равеля. И поставил эксклюзивно на музыку альтового концерта Альфреда Шнитке ("моего друга") – "Звуки пустых страниц". Все три балета – программные. То есть с пунктирным эмоциональным сюжетом из серии "музыкальной навязки". Изобретательно придуманные. Отлично сделанные. Слегка старомодные. Корректно упакованные (дизайн двух из них принадлежит самому Ноймайеру). Местами нудноватые. Местами остроумные. Классно протанцованные артистами Мариинки: абсолютно всеми – от примы Ульяны Лопаткиной до безвестного кордебалетного юноши. Композиция всего спектакля движется от букволической резвости Spring & Fall, через сексуальную спартакиаду Now & Then (мужские купальники, пурпурные щиты декораций). И далее – к странно затягивающей, плывущей, едва удерживающейся на грани текста пластической какофонии "Звуков" (про большое безумие большого художника). Считается, что поколение хореографов, к которому принадлежит Ноймайер, ныне дружно переживает творческий кризис. Ноймайер, если судить по спектаклю Мариинки, отделался довольно дешево. Художественный темперамент несколько иссяк, матрица слегка стерлась, но воля и прославленный интеллект позволяют удерживать былую стилисти-

фэн-клуб Вацлава Нижинского. Если бы Ноймайеру повезло совпасть с Дягилевым во времени, Русский балет не нашел бы лучшего летописца. В работе с источником нет, Боже упаси, и грана иронической деконструкции: осторожно, груз хрупкий! "Ах, как он говорил о ней, как вынимал из шести плотных треугольных конвертов шесть привезенных экземпляров, приближал к брюшку единственной самочки лупу, вставленную в глаз, – и как набожно его препарат размачивал сухие, лоснистые, тесно сложенные крылья, чтобы потом гладко пронзить булавкой грудку бабочки, воткнуть ее в пробковую щель и широкими полосками полупрозрачной бумаги плоско закрепить на дощечках как-то откровенно беззащитно-изящно распахнутую красоту". Spring & Fall с девами-нимфами и юношами, падающими наземь, как зерна, объединяет пластические находки Ballet Russe по теме "Весна": вот мелькнула Айседора Дункан (белые платья-туники, распущенные волосы, невыворотню вскидываемые вперед колени), вот Фавн Нижинского, вот его же "Весна священная". Now & Then показывает урбанизм, каким его понимал все тот же Ballet Russe: модные купальники, веселая чувственность, немного здоровой юной меланхолии, флирт на фоне ненатужных занятий физкультурой – "Игры" (брат) и "Голубой экспресс" (сестры) Нижинских. "Звуки пустых страниц" населены привидениями "Юноши и смерти" Жана Кокто/Ролана Пети, привидениями, в свою очередь выкликаемыми в "Юношу и смерть" из фоксинского "Петрушки".

Джон Ноймайер и Баланчин

В большом мире, который простирается за стенами Мариинки, Ноймайер ставит по-всякому: с сюжетом и без. Наибольшую славу ему принесли хореообработки литературы: например, "Дама с каме-

чeskую стабильность, регулярно печатая вполне успешные балеты. На мой вкус, можно смело приходить в театр ко второму отделению Ноймайера в Петербурге перебивает любые удачи или поражения отдельного спектакля.

Прежде всего потому, что в стенах Мариинки давно не случалось видеть столь цельного и волевого авторского высказывания.

Джон Ноймайер и Дягилев

Ткань всех трех балетов прошита и переливается цитатами. Мимолетные, они не мозолят глаз. Но создают вокруг каждого опуса устойчивый смысловый и образный ореол. Книга во всех трех случаях берется одна и та же – Русские сезоны и Русский балет Сергея Дягилева: для Ноймайера – вместилище культурной памяти, "золотой сон" балетного искусства, неисчерпаемый фонд пластических метафор, предмет многолетних творческих рефлексий. Свою влюбленность в эту эпоху хореограф культивирует давно и тщательно. Завсегдатай аукционов, он превратил город Гамбург в

лиями" и "Отелло". Трудовой же подвигом по освоению танцем цикла симфоний Малера потряс умы разве что безрассудной отвагой и нежной грандиозностью замысла. Как известно, подвиги редко решают исход сражений, ценность их скорее эмблематическая. Малеровский цикл Ноймайера – вызов, брошенный музыке танцем. Вверх в соблазн и гордыню, конечно, Баланчин, триумфально уравнивший музыку и танец в правах выразительности. Но хитрейший Баланчин говорил, что поставил бы Малера при одном условии – миллион долларов, однозначно утверждая, что далеко не любую музыку можно станцевать. А Ноймайер взял да поставил. Подтвердив, увы, правоту Баланчина. Его балеты на музыку Дворжачка и Равеля, предложенные Мариинке, из этой же серии. Оба прелестны, остроумны, но отягощены неистребимым занудством. Потерпело фиаско не мастерство постановщика или умения маринских танцовщиков (и то и другое – на высоте). Просто хореография исчерпывает ресурс сценического времени, времени взаимодействия со зрителем, раньше музыки.

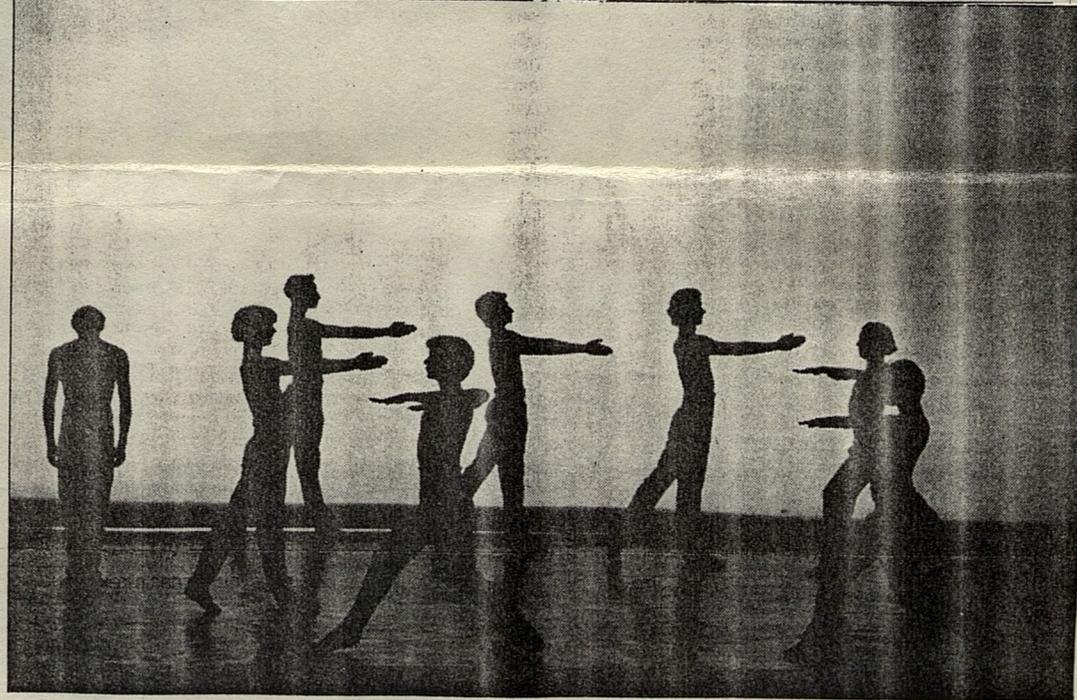
Фото Н. РАЗИНОЙ

против комплекса творческой неполноценности, терзающего русских артистов на всем постсоветском пространстве. Что такое сегодня The Great Russian ballet внутри мирового балетного рынка? Чайковский, Пэтипа, белые лебеди, розовые пуанты, фирменная душевность – тесная резервация, границы которой бдитительно охраняют западные импресарио. Эта схема работает уже несколько десятилетий (выезжать за границу советские артисты начали в 1960-е) и – теоретически – может проработать еще столько же. "Но", как всегда, одно. Лабораторную чистоту расчетов замутняет человеческий фактор, игнорировать который в балетном искусстве невозможно: розовые пуанты и белые пачки надеются на людях. И эти люди толстеют и артачатся, стареют, простужаются, получают травмы, а главное – устают. Психологическая усталость от классики – едва ли не главное, чем сегодня отягощено театральное производство Мариинки. Таков итог безвременья 1970 – 80-х. С середины все тех же 1960-х русский балет не произвел ни одной плодотворной стилистической идеи, которая реализовывалась бы параллельно с классикой и воздействовала бы на вечно живую классику как стимулятор. В 1920-е такой идеей был танцевальный конструктивизм Федора Лопухова, в 1930 – 40-е – балет-драмы, в 1960-е – танцевальный симфонизм Юрия Григоровича и Игоря Бельского. 1990-е предложили интеграцию в мировой балетный процесс. В Мариинке появились Джордж Баланчин, Ролан Пети, Кеннет Макмиллан. С одной стороны, Ноймайер продолжает ряд западных классиков, упущенных русскими за годы советской изоляции, а теперь навстречу им. С другой – резко из этого ряда выламывается. По той простой причине, что хореограф он живой и действующий. Более того, хореограф, для которо-

го стоящий перед ним танцовщик – фактор его собственного стиля, единица его измерения. Ноймайер проводит строжайшие кастинги. Против фамилии каждой кордебалетной девушки готов писать пространственные аннотации. Он фотографирует своих артистов. Он носит с ними как с писаной торбой. Он говорит, что атмосфера в балетном классе для него важнее, чем взаимоотношения с публикой. Его завораживает непривычная психофизика: чем страннее, тем лучше, в ней он черпает вдохновение. Ему нравится распускать волосы своих танцовщиц и заманчиво обнажать тела своих танцовщиков. Ему нравится, когда в танце свободно треплющиеся волосы прилипают к потным лбам – это возвращает сильфидным балетным артистам их человеческую природу. В Мариинке все было именно так.

Вообразите: в балетный класс входит портрет из энциклопедии. Реакция петербургских танцовщиков легко поддается реконструкции. А главное – почти без поправок переносится затем на сцену: священный огонь в глазах, максимально интенсивное проживание текста, чуткая сейсмография тела. Если братья называть имена, придется переписывать программку полностью (для справки: в трех балетах солируют Ульяна Лопаткина, Диана Вишнева, Светлана Захарова, Жанна Аюпова, Андриан Фадеев, Виктор Баранов, Илья Кузнецов, Максим Хребтов). Нет большие обретаемые "заложники академической традиции", нет привычных солистов-детей, пытающихся компенсировать отсутствие интеллектуального, эмоционального и профессионального опыта силой разгоряченных молодых мышц. Дети выросли. Производство кончилось. Начались биографии.

Яна ЮРЬЕВА
Санкт-Петербург

Сцена из спектакля "Звуки пустых страниц"